

СИМФОНИЯ СУДЬБЫ

(2 часть)

Юрганов Олег

2. Триумф, любовь и трагедия

24 февраля 1971 года в 11 часов утра министр внутренних дел СССР Николай Щелоков получает экстренное сообщение – захвачена приемная Президиума Верховного Совета СССР! Событие неслыханное по тем временам: террористы в самом центре Москвы, почти у Кремля! Поверить в происходящее невозможно. Через 10 минут на стол министра ложится новое донесение: захватчиков 24 человека. Все они – граждане Советского Союза, евреи по национальности. Безоружны. Угрожают бессрочной голодовкой и требуют разрешить им свободный выезд в Израиль. В конце 60-х – начале 1970-х годов эмиграция из СССР в Израиль – дело неслыханное, практически безнадежное. Разрешения на выезд люди ждали десятилетиями, а получали – единицы. Не отпускали. В основном потому, что большинство были квалифицированными врачами, инженерами, конструкторами и прочими специалистами. Кроме того, многие из тех, кто подавал документы на выезд, имели доступ к секретной информации. “Отказник” – страшное слово из советского лексикона. Все те, кто пришел 24 февраля 1971 года в приемную Президиума Верховного Совета СССР, были почти уверены, что вряд ли эта отчаянная акция будет иметь какой-то успех. Ждали самого худшего: ареста и лагеря. Однако все

вышло по-другому. Под пристальным и весьма требовательным взглядом мирового общественного мнения руководство страны было вынуждено принять решение о легальной эмиграции из СССР.

В 1971 году Камилле Кольчинской было 34 года, и хотя двери для бегства из страны уже были приоткрыты, её сдерживало от решительного шага то, что держало многих, давным-давно готовых «хлопнуть дверьми» – постаревшие родители и агрессивная система. Было уже выдумано государством клеймо «отказник», «не выездной», что означало годы ожидания милости от ОВИРа.

До отъезда в Израиль оставалось 4 года. Их надо как-то прожить, тем более что напряженная работа в Ярославле, неустроенность тамошнего быта, смерть отца, тяжёлые гастроли по Северу России и Сибири подорвали здоровье Камиллы. С тяжёлым чувством она вернулась в Москву...

Пришлось довольствоваться реальностью: освободилось место дирижёра симфонического оркестра Дома учёных и Дома учителя. Иногда удавалось дирижировать Государственным Симфоническим Оркестром СССР и Московским Симфоническим Оркестром. Но, увы! Изредка...

Лебединая песнь К. Кольчинской в СССР, уже перед самым отъездом в Израиль – «Реквием» В.Моцарта. Идея исполнить это уникальное по масштабам, сложности и философской значительности произведение мировой музыкальной классики её привлекала давно. Она и «дразнила», и пугала творческое

воображение дирижёра. И в самом деле – задача очень дерзкая. Для отражения всего бескрайнего диапазона идей, заложенных В.Моцартом в этом, пожалуй, самом главном его произведении, нужен полноценный симфонический оркестр с вышколенными инструменталистами-профессионалами, хоровая капелла с опытом исполнения таких масштабных музыкальных полотен и солисты, чья квалификация и вокальная культура позволили бы выдержать все требования моцартовской гармонии «Реквиема». Задача сложная, тем более что у дирижёра, вынужденного довольствоваться только тем, что было «под руками», выбора не было.

Симфонический оркестр Дома учёных... Он хоть и играл весьма сложные произведения, но в этот раз – «Реквием» В.Моцарта! Хористы – 25 человек, пришли на время репетиций из Академической хоровой Капеллы России, которой руководил тогда очень известный хоровик А.Юрлов. Откликнулись на приглашение Камиллы 4 солиста из Большого театра. Все работали на «чистом энтузиазме» – были покорены энергией, бескрайней эрудицией и музыкальной культурой дирижёра, безоговорочно веря в её профессиональные возможности!

Кстати, в репертуаре Вероники Дударовой «Реквиема» Моцарта тогда еще не было, хотя она обладала неограниченными музыкальными ресурсами: профессиональные оркестры, репетиционные залы... и, разумеется, средства.

Напомню, в СССР тогда были только две женщины-дирижёра – Кольчинская и Дударова. Разумеется, открытого соперничества между ними не было: Камилле – не до того, а Дударова – самодостаточна и высокомерна...

Забегая вперед, замечу, что История все-таки свела их в своеобразной творческой дуэли, представив каждую в момент репетиций и пребывания в размышлениях о своём труде.

В 1987 году шведская кинокомпания «Hagafilminstitutet» сняла фильм «DIRIGENTERNA» о дирижёрах-женщинах, чьи имена уже были на слуху у мирового музыкального сообщества. Наряду с рассказом о творчестве американского дирижёра-женщины Джоанн Фалетты, её шведской коллеги – Ортурд Манн и других, была представлена Камилла Кольчинская, работавшая тогда в Норвегии. Шведы пригласили в фильм Веронику Дударову тоже...

Киногруппа снимала каждую «дирижёршу», вольно или невольно продемонстрировав, в снятых диалогах, присущий каждой стиль общения, мышления, реплики внутренней речи, переданные скрытой камерой, манеру дирижирования, краски эмоций на лице, реакцию оркестрантов, внешность женщин – на дирижёрском подиуме и вне его, – содержание профессиональных требований в ремарках, адресованных инструменталистам оркестра в момент разъяснения ошибок или идей... Всё это режиссёром Кристиной Олосон было представлено весьма широко.

В фильме В.Дударова репетировала «Реквием» В.Моцарта, а К. Кольчинская вела урок дирижирования со студентами Консерватории в Осло и репетировала со Шведским Филармоническим Оркестром. Контраст стиля общения с оркестрантами обеих дирижёров был разительным! Жёсткость В.Дударовой, бесцеремонное игнорирование приличий в оценках профессионалов из хора и оркестра, заметно задевали их чувства. Шведской съёмочной группе надолго запомнился этот «урок» советского менталитета, данный сановным дирижёром. Ни одна из шести представленных в фильме дирижёров-женщин Европы и Америки, включая, разумеется, и Камиллу Кольчинскую, не позволили себе подобную «стилистику дирижирования». Ну как тут не вспомнить, идеологему, впитавшуюся в кровь поколений «социалистической интеллигенции»: «...у советских – собственная гордость... на буржуев смотрим свысока...».

...Грандиозный успех самодеятельного творческого коллектива, руководимого Камиллой, исполнившего «Реквием» В.Моцарта, невольно засвидетельствовал своим искренним и громким восторгом выдающийся советский тенор Иван Козловский, приглашенный на выступление. Тогда же в столичной печати, «ручной», а потому весьма скупой на похвалы, когда речь шла о евреях, появились весьма лестные отзывы. Не будем забывать – шел 1975 год и массовый исход евреев из СССР уже начал власть тревожить...

...Журналист И. Заславская, автор статьи «Ансамбль высокого класса», опубликованной в газете «Вечерняя Москва», – привела весьма лестную оценку дирижёрского искусства,

данную Камилле Кольчинской – выпускнице Ленинградской Консерватории имени Н.Римского-Корсакова. Впервые, публично, в печати, было оглашено, что она обладает «...Ярко выраженными дирижёрскими данными, музыкальностью, хорошим вкусом и волевыми качествами, хорошо подготовлена к профессиональной деятельности дирижёра оперного и симфонического профиля».

Тогда же ей «позволили» даже стать персонажем документального фильма: «Женщина редкой профессии», где наряду с геологом, шахтёром и кем-то еще из числа советских женщин с уникальными, как полагали пропагандисты системы, профессиями, оказалась и она – женщина-дирижёр. Фильм был снят и «Комитет Советских Женщин» получил в руки агитку, отправив её в посольства Западных государств, чтобы хоть как-то ослабить давление общественного мнения Европы, возмущенного антисемитизмом в СССР.

Но, как говорится, «поезд ушёл»... Доказывать в этой стране своё право на творческое самосознание и профессиональное самовыражение, значит – толочь воду в ступе. На это унижительное занятие не было ни желания, ни времени! Отъезд Камиллы Кольчинской в Израиль, вслед за тысячами таких же, как и она евреев, убежденных в правильности своего выбора, давал единственный шанс спасти от деградации и себя, и свою судьбу дирижёра...

В апреле 1976 года, когда её самолёт приближался к Тель-Авиву, близился и миг начала в её творческой судьбе подлинного расцвета. Ей было тогда 39 лет...

Была весна. Неведомая до той поры страна, о которой столько было слышано, говорено и так мечталось в последние годы мучительного вынашивания мысли об отъезде из СССР, что до сих пор впечатления о самых первых минутах пребывания в Израиле живут в памяти Камиллы, как яркие сполохи сочных красок, поразивших её воображение сразу после приземления самолёта.

«...Я была удивлена тонким ароматом, который буквально ворвался в салон самолета, едва распахнулись двери. Я чувствовала, как он усиливается, с моим приближением к выходу из самолёта. Прилетела я в пять утра, еще не успела глянуть на дивный рассвет за бортом, удивиться его красоте и... чувствую запах. Чарующий аромат. Спросила стюардессу, чем эта так вкусно пахнет? «Апельсины цветут...», – сказала она. Через миг, спускаясь по трапу самолёта, я уже не могла оторвать взгляда от рассвета поразительной красоты, который делал горизонт нежно-розовым, а всё видимое мною в эту минуту казалось акварельной миниатюрой...».

Потом, в буднях адаптации к новой жизни, она часто вспоминала об этом своём впечатлении...

Судьба каждого иммигранта – неповторима! В ней сходятся все переживания личности, непреходящие десятилетиями, прорастающие корнями в глубины души. В них найдётся место и юмору, и драмам, и мечтам – сбывшимся и не сбывшимся, надеждам, амбициям – оправданным и нет, удивлению, страху и прочим человеческим страстям и ощущениям...

В Израиль прилетела женщина-иммигрант. Её сорокалетие наступит уже здесь и довольно скоро... Незамужняя... Без семьи и детей... В страстной любви к музыке и к профессии, она – в годы расцвета юности, молодости, которые одарили её весьма впечатляющей внешностью, волновавшей мужчин, увы! отвергнутых ею, как досадные помехи в движении к цели – безоговорочно вытеснила из своей судьбы все иные претензии! Да – естественные... Да – жизненно важные... Но – бессильные конкурировать с единственной страстью – музыкой и дирижированием, захватившими её душу.

В конце концов, время всё расставит на свои места. А пока с первых же недель пребывания на Земле Обетованной, Камилла Кольчинская настроена решительно! Предстоит найти здесь, в Тель-Авиве, все музыкальные учреждения, встретиться с коллегами. Пожалуй, она хорошо тогда понимала, что ей –

симфоническому дирижёру – предстоит хотя и совсем иная, чем в СССР, но такая же острая борьба за своё творческое самоутверждение. Единственно в чём она не сомневалась ни на минуту – здесь никто не будет препятствовать её самосознанию!

За время трудного вызревания решения об иммиграции Камилла хорошо понимала и другое – в Израиль уехали уже сотни, если не тысячи её коллег. Среди них – Рудольф

Баршай, Ирина Эдельштейн, Изя Малкин, Ефим Бронсман, Вера Вайсман, Марк Лубоцкий, Нина Бейлина, Инна Двоскина и многие другие.

Некоторые были её сокурсниками по музыкальной школе и Консерватории в обеих столицах, блистательные музыканты, оставившие СССР раньше её. Теперь здесь, ей, Камилле Кольчинской, предстояло доказывать свою профессиональную значительность, утверждать свой опыт, знания, навыки и своё искусство дирижировать симфоническими произведениями, которые были осмысленны, поняты, прозвучали в СССР с большими симфоническими оркестрами под её руководством. А ведь были и такие произведения, которые в стране Советов еще не игрались. Например, музыка современных Западных композиторов. Значит, их партитуры предстоит освоить, а музыку понять и представить музыкальному сообществу здесь, бывшему, как она поняла, на голову выше, чем в оставленной стране...

Да, важно всё! Но это – не более чем нормальная забота в иммиграции о продолжении карьеры музыканта, дирижёра, чьи амбиции опирались на глубокую образованность, профессиональную культуру, основательно продуманные цели, отражающие современные мировые тенденции в исполнении симфонической музыки – классической и современной.

Между тем, душа тревожилась – в Москве остались милые, близкие, дорогие... Мать – Раиса Леопольдовна, сестра Таня, её муж Матус, которого из страны не выпустили, сославшись

на секретность технических разработок, которые он делал для оборонных предприятий, их сын Саша, которому минуло тогда 17... Им оставалось ждать писем от Камиллы и готовиться к предстоявшей отчаянной схватке с властью за свое право уехать. Это им еще только предстояло. Грозовые тучи приближавшейся трагедии семьи Тани пока собирались. Из Израиля же приходили первые письма от Камиллы...

Завершились недели привыкания к условиям жизни в новой стране. Чуть освоен иврит, который со знакомым Камилле немецким, похожим на идиш, дал шанс наладить контакты в музыкальном мире Тель-Авива, чтобы найти людей, от авторитета и возможностей которых зависела её профессиональная судьба в Израиле.

«...Дорогие мои, хорошие, родные! Спешу поделиться с вами большой радостью: меня прослушал Мета...».

Должен сразу же объяснить сколь внушительна была роль в её профессиональной судьбе этой личности, во всех отношениях выдающейся, о которой Камилла писала в Москву с таким трепетом и уважением.

По происхождению Зубин Мета – индус. Он родился в 1936 году в Бомбее в аристократической семье. Отец – музыкант – скрипач, дирижёр. В молодости Мета мечтал стать врачом, но передумал, уехав в Вену изучать в консерватории

дирижирование, а параллельно – искусство игры на контрабасе, ударных, изучая и композицию. В те же годы он изучал музыку в Италии, в музыкальной Академии Киджи, в Сиене. Творческая биография Меты складывалась с головокружительным успехом. Он был приглашён в Ливерпульский Филармонический оркестр сразу по окончании консерваторского курса в Австрии и Италии. Семь лет с 1960 по 67 год он возглавлял Монреальский симфонический оркестр, затем был руководителем Лос-анджелесского филармонического оркестра, Нью-Йоркского вплоть до 1991 года. В 1977 году Мета Зубин возглавил Израильский филармонический оркестр. Забегая вперед скажу, что З. Мета настолько успешно руководил Израильским оркестром, что в 1981 году был объявлен его пожизненным руководителем, параллельно возглавляя Баварскую государственную оперу. Преданность Меты Израилю и его вклад в культуру этого государства была вознаграждена – он лауреат Государственной премии Израиля, являясь еще и музыкальным Послом Мира со стороны Израиля в арабских странах.

З. Мета приезжал на гастроли в СССР в 1964 году. Выпускница дирижёрского отделения Ленинградской Консерватории Камилла Кольчинская зачарованно наблюдает за его дирижированием, не ведая, что однажды то же самое будет делать он, глядя, как она дирижирует тель-авивским симфоническим оркестром в полупустом зале городской филармонии, демонстрируя мэтру своё искусство...

Легендарность персоны Зубина Меты конкурировала с его непостижимой занятостью. Добиться Камилле прослушивания в его присутствии означало раз и навсегда решить свою профессиональную судьбу в Израиле. Но как это сделать, когда феноменальный маэстро-индус, руководивший музыкальным «департаментом» еврейского государства, прилетает в страну неизвестно когда и неизвестно насколько?

Наконец-то невозможное случилось и музыкант, овеянный мировой славой, заявил, что готов прослушать её дирижирование. Едва собравшись и уже успев даже прорепетировать с оркестром, Камилла получает извинения маэстро: срочная командировка! Совершенно неожиданно, Зубин Мета снова в Израиле и первое, что он делает – приглашает Камиллу на прослушивание.

Теперь продолжу прерванное письмо Камиллы с рассказом об этом знаковом событии в её судьбе дирижёра.

«...Он попросил меня показать первую симфонию Брамса. Для меня это было не очень выгодно... Я очень люблю Брамса, но в Союзе нет устойчивых традиций его исполнения и этой симфонией я, к сожалению, никогда не дирижировала. Дирижировать и репетировать Брамса перед Метой – более чем ответственно, так как он считается лучшим мировым исполнителем произведений этого композитора! Должна сказать, что здесь мерки и критерии оценки исполнения совсем другие. Здесь не кричат: «Мы лучшие в мире!» Здесь таковыми являются. И это здесь ощущается во многом. Особенно это заметно по филармонии, оркестру, на голову

выше светлановского, по дирижёрам и исполнителям действительно мирового класса! Так случилось, что сообщили о готовности Зубина Меты слушать меня – неожиданно, а у меня не было даже партитуры – не успела взять из дома. Мне пришлось репетировать наизусть первый раз. Волновалась я очень! Еще бы – Брамс! Впервые! Перед Метой! Он сидел в оркестре и «ел» меня глазами! Сложность была еще и в том, что я не знала, как этот оркестр играет Брамса? Слышала, что профессиональный уровень оркестра очень высок, что играют они ничуть не хуже лучшего в мире Бостонского симфонического оркестра. Но этим произведением я никогда не дирижировала, играла его впервые! В общем, повторилась история с конкурсом в Большом театре! (Напомню, когда Камилла Кольчинская соревновалась с 30 мужчинами – претендентами на одно место ассистента дирижёра. – О.Ю.) Были аплодисменты, поздравления и главный результат: 2 концерта уже в этом сезоне! Программу концертов пока не знаю. На днях должна встретиться с Метой и тогда он скажет, что предпочтительней дирижировать...».

Письма приходили не часто, а события в Израиле развивались стремительно. По этой причине, после рассказа о первой встрече с маэстро, Камилла пишет, что ей уже удалось сделать. «...Сейчас готовлю большой концерт с Хайфским оркестром и балетной труппой «Йён», который, как я чувствую, вызовет большой интерес и, разумеется, моя особа тоже. Здесь уже появился ряд статей с моей фотографией. 19 октября должны по радио передать интервью со мной... на иврите! Представляете?! Буду рассказывать биографию и планы на будущее. Немного разговаривать и вести несложную

беседу на иврите я уже могу и репетировать на иврите тоже... Учу английский. С Метой разговаривала на немецком, но он заметил мне, что английский надо знать! Взяла преподавательницу, жившую когда-то в Ленинграде, переводчицу по профессии...».

Итак, прилетев в апреле 1976 года в Израиль, примерно через полгода у нее состоялся первый концерт! Пресса дружно хвалила Камиллу, а одна из газет, сделав коллаж, в котором профиль дирижёра как бы парит над оркестром и слушателями филармонии, писала: «Камилла покорила Тель-Авив!». Потом были концерты в Хайфе, Иерусалиме...

И всё же, что писали Израильские газеты о её выступлениях? «Камилла Кольчинская, – сообщила газета «MA'ARIV», – действительно профессиональный дирижёр, опытный и уверенный в себе. Полная энергии и живой музыкальности совершенно управляя ансамблем и музыкой с оркестром, страстно отвечает на нее...».

Газета «HA'ARETZ» писала, что слушая музыку, сидевшие в зале видели в облике дирижёра – «...Убедительное наличие настоящего характера и очертания музыки. Оркестр отвечал дирижёру богатством звучания полного прекрасной экспрессии. Он играл у нее всем сердцем и способностью». «Великолепно! – восклицала газета «DAVAR». – Широкая гамма динамики эмоций со многими прекрасными нюансами. Она (Камилла – О.Ю.) продемонстрировала великолепный вкус и предоставила слушателям реальное удовольствие...». «Камилла отвергла привычную идею о том, что женщина не

может быть хорошим дирижёром, – писала YEDIOTH ANARONOT. – Этот артист обнаружил уверенность, опыт, темперамент, знания и инстинкты правды, как и проявления радости...».

Невероятно, но факт – в крошечном Израиле было 14 симфонических оркестров! В Хайфе Камилле дали работу – дирижирование оркестром, «с которым я подготовила «Бетховенскую» программу, в которой выступила знаменитая скрипачка Ида Гендель. Потом была работа в Иерусалимском симфоническом оркестре, с которым выступали замечательные солисты – молодые, честолюбивые, замечательные профессионалы, приехавшие из Америки и Европы, вместе с лучшими музыкантами из Израиля...».

Кроме того, в течение первого года жизни в Израиле, Камилла организовала свой камерный оркестр в Петах-Тикве – рядом с Тель-Авивом. Кстати, в самом Тель-Авиве был еще один камерный оркестр, которым руководил Рудольф Баршай, который иногда просил Камиллу заменить его на дирижёрском подиуме, когда требовалось куда-то отъехать, что она с удовольствием делала. Это была пора расцвета творчества Камиллы и ничто, казалось бы, не способно было остановить или хотя бы притормозить этот Ренессанс. Под руководством Камиллы Кольчинской звучала музыка Моцарта, Гайдна, Генделя, Рихарда Штрауса, Альбиниони, Сонаты Россини... В ушах – слова маэстро Зубина Меты: «Я уверен, что Камилла Кольчинская так прекрасно проявившая себя в концертах... это наше будущее...». Но в Израиле грянул год кризиса 1978-

79 годов и средства, отпускаемые на содержание симфонических оркестров стали значительно сокращаться...

Музыкант работает по контрактам... Эта истина оказалась весьма строгой и предъявила Камилле Кольчинской свой счёт. Пришлось задуматься над дальнейшей работой уже за рубежами Израиля. «Но проблема уже не казалась безнадежной, – рассказывает Камилла, – потому что слух обо мне уже прошёл, и ко мне стали приходить многочисленные приглашения из зарубежных стран с предложениями выступить с их оркестрами».

...Начало восьмидесятых. Борьба за выезд из СССР членов семьи К. Кольчинской приобретает особую остроту. Мужа Тани – Матуса власти продолжают удерживать, ссылаясь на всё ту же причину – «носитель секретов государственной важности», хотя уже почти 5 лет он не работает в «оборонке», а трудится на фабрике игрушек. Тем не менее, приказ «не пущать!» остаётся в силе. И Матус, и Таня полны решимости выиграть схватку с властями, однако, это оказывается крайне тяжёлой задачей.

В это же время сердце Камиллы переполнено... любовью. «Что меня по настоящему согревает, даёт силы и волю бороться со всеми неизбежными жизненными неурядицами так это мой Лёленька. Какое счастье, что мы нашли друг друга. Он – прекрасный, нежный, заботливый муж и большой, настоящий друг и при этом – настоящий мужчина, что тоже очень важно... Мы очень дружно живём, понимаем и чувствуем друг друга, почти без слов и такое ощущение у нас обоих, что мы знаем

друг друга уже давным-давно. Дай-то нам Б-г и помоги нам папочка...». Образ умершего отца Камиллы давно стал сакральным, и она обращается к нему в минуты испытаний и счастья за поддержкой и с просьбой – это счастье удержать на годы!

Камилла ездит по странам Европы, дирижирует оркестрами в Австрии, Бельгии, Швеции, Германии... Газеты пишут восторженные отклики о её выступлениях, но душа болит за судьбу сестры, за маму и Матуса...

1981 год. Камилла в Норвегии. Она – преподаватель по классу дирижирования в Осло, затем, там же и дирижёр симфонического оркестра, художественный руководитель и дирижёр камерного оркестра, а чуть позже почти на 6 лет становится дирижёром духового симфонического оркестра в Норвежском городке Драммен. Здесь с мужем они получают Норвежское гражданство – вступают в борьбу за право выезда из СССР семьи Тани. Демонстрации Камиллы у стен норвежского парламента Стортинга. Собеседования с парламентариями придали уверенности, потому что все, кто разговаривал с Камиллой, были согласны с её позицией – тоталитарная система – СССР не должна уродовать судьбы своих сограждан, желающих уехать из страны. В 1987 году с правительственным визитом Норвегию посетил Председатель Совета Министров Союза ССР Н.В.Рыжков, там-то и состоялось собеседование парламентариев норвежского Стортинга с ним о судьбе членов семьи Камиллы. Премьер обещал отпустить Таню, но... Матуса, судя по всему, не отпустят. Ссылка всё та же – «носитель секретов».

«...Камилла Кольчинская на подиуме – это маленькая фурия, которая своим огненным темпераментом заставляет музыкантов играть с полной отдачей, контролируя при этом каждый такт партитуры, каждый голос инструмента...» – писал в 1985 году один из известных шведских критиков Маркус Баядеман. К тому времени Камилла выступала с ансамблем, в котором были собраны лучшие европейские инструменталисты. За несколько дней ансамбль сыграл 19 премьерных произведений. Она выступает с В.Ашкенази в Брюсселе с большим оркестром Бельгии, затем с Лондонским филармоническим оркестром в Англии, где солировал В.Ашкенази. Луи Байвир – музыкальный обозреватель писал: «...Одна из характеристик мадам Кольчинской – её особая возможность зажечь эмоционально публику и довести её до экстаза!»

Камилла приехала в Америку. Причина – сугубо личная – наконец-то настал долгожданный час встречи разделённых на 13 лет членов семьи. Но Матус до этого момента не дожил. Он скоропостижно скончался от сердечной недостаточности в Москве. Случилось это в 1990 году...

...Начинала в США с малого – преподавала в частном колледже, затем возглавила симфонический оркестр Вест Оранж (штат Нью-Джерси). Отношение к женщинам-дирижёрам в Америке абсолютно лояльное. Главный критерий – профессионализм. То, что

Камилла Кольчинская – выдающийся мастер доказали прошедшие с 1991 по 1995 годы гастроли в Австрии, стране, где женщин-музыкантов не жалуют, а женщин-дирижёров вообще не видели!

...Концерт в венском Шуберт-зале в 1991 году был посвящен памяти Бернштейна. В программу было включено его произведение «Серенада», посвященная светлой памяти выдающегося русского музыканта Сергея Кусевицкого. Пять частей этого сочинения на древнегреческие темы связаны между собой человеческими страстями. Музыкальный язык изобилует техническими трудностями, с которыми справляются Камилла вместе со скрипкой солиста – Милы Бейлиной. В своей рецензии по поводу этого концерта Станислав Непомнящий писал: «В придачу с виртуозной дирижёрской техникой она (Камилла – О.Ю.) обладает мощной музыкальной индивидуальностью. Её лицо буквально преображается с первых взмахов руки... Жаль, что публика не видит дирижёрских лиц».

Будучи приглашенным дирижёром камерного оркестра в Вене, Камилла продирижировала в 1993 году Кантату памяти Бенджамина Бриттена, а так же вариации на тему Франка. Эти произведения, как считал сам Бриттен, под силу только виртуозному оркестру!

С 1990 по 1992 годы Камилла Кольчинская стала основателем и главным дирижёром камерного оркестра, а затем главным дирижёром и музыкальным директором симфонического

оркестра и оперы в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре.

С 1994 года по настоящее время Камилла Кольчинская – музыкальный директор Эль-Камино молодёжного оркестра в Калифорнии. Симфония судьбы – продолжается...